

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

АКАДЕМИЧЕСКИЙ «РЕСПУБЛИКАНИЗМ» И ПРАКТИКИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В 1800–1830-х ГОДАХ (на примере Петербургского университета)

А н н о т а ц и я . Российская наука и университетское образование в XVIII – начале XIX века развивались путем переноса и адаптации западноевропейских моделей распространения научного знания, а также моделей самоорганизации самих научных сообществ. Однако границы академического самоуправления в России устанавливались государством. Как практически реализовывались положения об университетском самоуправлении в системе повседневной научной, учебной, кадровой, хозяйственной, административной деятельности университета, можно судить на основании материалов обширного университетского и ведомственного делопроизводства. В статье впервые всесторонне проанализированы журналы Конференции Петербургского педагогического института / Совета Петербургского университета за 1808–1835 годы, которые позволяют установить решающую роль этого коллегиального органа в разработке системы преподавания, в кадровых вопросах, в организации научной экспертизы и лицензирования, в укреплении материальной и научной базы университета, в администрировании подведомственных училищ на территории округа, выстраивании горизонтальных коммуникаций с другими учреждениями. Университетское делопроизводство отражает механизм взаимодействия Совета профессоров с попечителем учебного округа и другими органами власти по вопросам выборов ректора, деканов, определения на должности профессоров и младших преподавателей, приема студентов и распределения выпускников на учительские места. В этих и многих других вопросах, обсуждавшихся коллегиально, решения университетской корпорации служили основанием для распоряжений попечителя учебного округа и высшей власти.

Ключевые слова: история Санкт-Петербургского университета, университетские уставы, университетская автономия, Совет университета, ректор, профессора

Для цитирования: Жуковская Т. Н. Академический «республиканизм» и практики университетского самоуправления в России в 1800–1830-х годах (на примере Петербургского университета) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 4. С. 95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1188

ВВЕДЕНИЕ

Самоуправление университетов в Средние века и раннее Новое время было близко античной модели республиканизма, определяющей не форму правления, не механизм участия гражданина в политике, а рамки «общего дела» и общего мира. Система отношений в республиканском Риме, как и в греческих полисах, исключала противостояние «государства» и народа (*Populus Romanus*). Цицерон в диалоге «О государстве» определял республиканскую модель социальных отношений (*Res publica* или *Res populi*) как «дело народа, а народ – это не всякая сходка, собранная вместе тем или иным образом, но соединение множества людей, связанное согласием по поводу права и общей пользы» (цит. по: [5:

171–172]). Самоорганизацию академических сообществ, следующих уставам, традициям и довольно консервативным формам науки как «общего дела», до XX века включительно можно считать историческим образцом локального (профессионального) республиканизма – в цicerоновском смысле.

Университетские корпорации были достаточно изолированы в социальном и территориальном отношении и в то же время наделены подтвержденными властью привилегиями, главными из которых были: экстерриториальность, право самоуправления, самопополнения, лицензирования, свободы преподавания, свободы обучения, корпоративного суда, относительной налоговой свободы, а также право сецессии (от-

деления части корпорации) и переноса деятельности университета в другой город.

РАМКИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Немногочисленные в России университетские сообщества, получив по уставам 1803–1804 годов уникальную в сословном авторитарном государстве возможность самоорганизации, начали выстраивать «снизу» научные, педагогические, кадровые, экспертные, экономические и иные отношения. Университеты стали не только объектом, но и субъектом администрирования, осуществляя надзор и управление в отношении средних и начальных учебных заведений своего округа. Они формировали систему чтения лекций и организации экзаменов в отношении чиновников, добивавшихся более высокого классного чина, использовали исключительное право присвоения ученых степеней кандидата, магистра и доктора через организацию научной экспертизы и защиту диссертаций, которое было закреплено «Положением о производстве в ученые степени» 1819 года.

Законодательные рамки университетской автономии были очерчены максимально широко, в частности, потому, что в основу уставов начала XIX века были положены принципы, предложенные профессорами Дерптского университета в первые месяцы реформ Александра I и принятые благодаря личному расположению императора к ректору университета Г. Ф. Парроту [1: 55–64]. Эти принципы были проработаны и дополнены в 1802–1804 годах реформаторским составом Главного правления училищ, экспертного органа Министерства народного просвещения.

При этом личная сфера университетского человека не подпадала под действие этих норм, он наделялся академическими привилегиями лишь как член сообщества. По окончании срока университетской службы (обычно 25-летней, реже – 30-летней) профессор получал хорошую пенсию от государства, составлявшую не менее половины оклада жалования, но переставал быть членом корпорации. В дореволюционной России многие вышедшие в отставку профессора не участвовали в делах сообщества даже как эксперты, их архивы и рукописи научных трудов мало интересовали университет, верные ученики разбегались. Изредка, как в случае с бывшим профессором минералогии А. М. Теряевым, Петербургский университет мог способствовать покупке и распространению научных трудов, изданных за счет автора; обычным делом было приобретение университетом кабинетов, коллекций, библиотек бывших про-

фессоров после их смерти или еще при жизни. Однако тот же А. М. Теряев, как и заслуженный профессор всеобщей географии Е. Ф. Зябловский, перестав быть действующими профессорами, должны были освободить университетские квартиры, что не только ухудшало условия жизни их семейств, но и территориально осложняло бывшим профессорам поддержание прежних связей.

Инициатива в реформировании читаемых курсов и перемене расписания, в оставлении лучших выпускников на кафедрах, в заключении хозяйственных подрядов и проведении ремонтных работ, в приобретении книг и коллекций и во многом другом принадлежала профессорской коллегии. Ее предложения формулировались, протоколировались в журналах Совета профессоров, в виде меморий направлялись попечителю учебного округа, рассматривались и санкционировались им и от имени попечителя представлялись министру народного просвещения.

Принципы академической автономии, провозглашенные в университетской политике в начале XIX века, воплощались не только в системе обретения ученых степеней, включающей экспертизу диссертаций и особые теоретические «испытания» для соискателей, но также в практике подтверждения дипломов и ученых степеней, полученных в иностранных университетах, что требовалось при поступлении их обладателей на российскую службу. Так, уже в первые годы существования Педагогического института особые комиссии из его профессоров подтвердили ученые степени иностранцев на русской службе П. П. Пезарровиуса и Г. В. Лерха¹.

Некоторые формы университетской автономии выглядели архаичными для XIX века, например, провозглашенная уставами юрисдикция университета над своими членами, которая применялась очень ограниченно, в основном в отношении проштрафившихся студентов или по так называемым спорам чести между профессорами, не выходявшим за рамки профессиональной этики. Подробное описание процедуры университетского суда по делу о присвоении студенческой кассы встречается только применительно к 1860 году [3, кн. 2: 49–50, 241–242]. Но, по свидетельству мемуаристов, это был не профессорский, а студенческий суд, действовавший не по старым правилам, а по типу суда присяжных, под председательством профессора уголовного права В. Д. Спасовича. Данная форма университетского самоуправления фиксируется в то же время в Казанском университете, где университетский суд из 12 выборных депутатов был собран по инициативе попечителя П. П. Вяземского [4: 260], в прошлом – студента

Санкт-Петербургского университета, в 1856–1859 годах бывшего помощником попечителя столичного учебного округа.

Однако иерархически выстроенная вертикаль государственного управления (попечитель – министр – Главное правление училищ – Комитет министров – император), государственное финансирование, идеологический контроль за содержанием преподавания политических и философских наук и за настроениями учащихся плохо уживались с представлениями о «республике ученых». В сознании самих профессоров идеалы служения науке и делу «воспитания юношества» сосуществовали с выгодами принадлежности к классу государственных чиновников, встроенному в систему чинов, наград и пенсионных выплат. Конфликт принципа регламентации и принципа коллегиальности пронизывает всю историю российских университетов XIX века.

В отношении подведомственных низших училищ университет выступал первым административным звеном, осуществляя управление через переписку с директорами училищ и гимназий, а также производя непосредственные ревизии (визитации), охватывавшие материальную и учебную сторону, аккумулируя отчетность [2].

Вертикальная подчиненность университетов в первой трети XIX века сочеталась с территориальной (горизонтальной) системой управления учебными округами, в каждом из которых университет становился куратором зависимых от него в административном, учебно-методическом и даже кадровом отношении школ низшего порядка. В делах внутриуниверситетских Совет пользовался широким самоуправлением, которое включало меры дисциплинарного воздействия на студентов и преподавателей (например, за пропуски лекций без уважительной причины или опоздание), постоянное обновление лабораторной базы, пополнение музейных коллекций и библиотеки. Контроль за расходованием сумм и состоянием банковских счетов университета (все свободные суммы были положены под проценты в Государственный заемный банк) также был в сфере компетенции Совета. Правление, ведавшее финансово-хозяйственными вопросами, регулярно предоставляло Совету свои донесения, председательствовал в Правлении ректор университета, чем обеспечивалась централизация управления.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ АКАДЕМИЧЕСКОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

Журналы Совета (до 1821 года – Конференции) Петербургского университета, как и жур-

налы Конференции учебных заведений-предшественников (Главного педагогического института и Педагогического института), сохранились в университетском архиве за 1808–1835 годы (с лакунами за 1829–1833 годы)². Они представляют собой подробнейшую хронику разнонаправленной деятельности основного органа университетского самоуправления, его взаимодействия с попечителем учебного округа, губернскими училищными дирекциями, другими университетами, Академией наук, учебными заведениями военного ведомства и т. д. Через Совет профессоров проходят дела о приеме и выпуске студентов, распределении на учительские места студентов казеннокоштных и обязанных службой по МНП, о выборах ректора и деканов, об избрании кандидатов на вакантные кафедры, о продлении срока университетской службы для профессоров, выслуживших 25 лет, о награждениях и взысканиях, дисциплинарных происшествиях и др. Профессорская коллегия занималась разработкой положений об экзаменах (текущих, итоговых, для соискателей ученых степеней), планов преподавания разных предметов и еще множеством вопросов повседневной учебной, научной, кадровой, хозяйственной деятельности университета.

Представления о преподавании и науке как «общем деле» сформировались у профессоров под влиянием нескольких факторов: идей Просвещения, традиций обучения в немецких университетах, перенесенных в Россию, самих форм учебной и научной деятельности, мало менявшихся за столетия. Эти представления поддерживались и воспроизводились в немногочисленных, достаточно замкнутых в социальном отношении ученых сообществах, существовавших в университетских городах в режиме экстерриториальности. Профессора осознавали себя также представителями интересов студентов («младших членов» единой «семьи»), а до середины 1830-х годов и прямо осуществляли функции университетской инспекции. В риторике инспекторских донесений и в университетской мемуаристике того времени повторяется образ «общей семьи», чему способствовало проживание казенных студентов и некоторых профессоров в университетских зданиях. На Совете профессора могли обсуждать дисциплинарный конфликт, суть которого заключалась в жалобе профессора на шумное поведение студентов, живущих в здании Коллегий в комнатах, расположенных этажом ниже профессорских квартир, или о неподчинении студентов «отеческим увещаниям» профессоров-визитаторов.

Понятия об академических свободах были усвоены европейски ориентированным поколением профессоров 1800–1830-х годов, которое включало не только приглашенных ученых-иностранцев (а это примерно половина состава преподавателей не только Петербургского, но и Казанского, и Харьковского университетов), но и тех российских уроженцев, которые прошли подготовку к профессуре в Европе. В сообществе Петербургского университета к двум поколениям европейских профессорантов принадлежали Д. С. Чижов, М. Ф. Соловьев, А. В. Ржевский, А. И. Галич, М. Г. Плисов, А. П. Куницын, рано оставивший преподавание по слабости здоровья И. Д. Кастальский, а также С. С. Куторга, М. С. Куторга, К. А. Неволин, П. Д. Калмыков, И. О. Шиховский, А. Н. Савич, И. И. Ивановский, И. Я. Горлов.

Риторика «общего дела», «общей пользы» прочитывается в протоколах обсуждений любых университетских проблем: от перемен в расписании до выборов на должности. Покупка коллекций, книг, выписка научных журналов сверх отпущенной суммы, требующая дополнительных ходатайств, мотивировались «пользой университета»³. Эту риторику повторяют и обращения попечителей учебных округов в адрес министерства, поскольку попечители, за немногими исключениями, мыслили себя проводниками интересов подведомственных университетов и в основу своих программных записок и докладов ставили представления и мнения Совета профессоров.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ВЫБОРЫ

Самым ярким проявлением академического «республиканизма» как локализованной в ученом сообществе культуры самоуправления являлись университетские выборы. В описании данной процедуры уставы 1804 и 1835 годов мало различаются, отсылая к римской республиканской традиции, дополненной опытом национальных парламентов Нового времени: с равными правами кандидатов, всеобщим тайным голосованием, предусмотренным для членов Совета из числа ординарных профессоров. Любой из членов Совета мог претендовать на должность ректора, а любой «известный своей ученостью» соискатель кафедры – на профессорскую вакансию. Выбор Совета не был предreshен и заставлял волноваться как администраторов, так и самого кандидата. Столкновения мнений в Совете происходили и по поводу назначений младших преподавателей, каждый из которых был чьим-то учеником, и важно было соблюсти баланс ин-

тересов. Так, кандидатура молодого А. В. Никитенко, которому протезировал попечитель К. М. Бороздин и которого предложил Совет философско-юридического факультета в марте 1829 года на кафедру естественного, частного и публичного прав, на Совете была отвергнута. Действительно, не имея опыта преподавания, заместить чтение всех курсов этого цикла при болеющем профессоре П. Д. Лодии (который вскоре умер) было ему едва ли по силам. Однако менее чем через год, в январе 1830 года, А. В. Никитенко прошел на должность адъюнкт-профессора политической экономии уже при полном согласии Совета [3, кн. 1: 137]. Таким образом, Совет последовал приоритету наилучшего преподавания науки, но сохранил молодого способного кандидата до открытия новой вакансии. Тонкости выборной процедуры строго соблюдались. Отклонения от нее (например, несоблюдение кворума) или правил подачи особых «мнений», заочное голосование «записками», как и явное протезирование начальства кому-либо из кандидатов, вызывали протесты и пересмотр результатов выборов.

Результат голосования не был предсказуем не только при избрании кандидата на вакантную кафедру, но и при переизбрании и продлении права преподавать по истечении 25-летнего срока службы. Начальство не могло продвинуть своего кандидата и даже рекомендовать кого бы то ни было в обход процедуры выборов. Так, в 1846 году накануне отставки заслуженного профессора химии М. Ф. Соловьева попечитель М. Н. Мусин-Пушкин сделал представление министру о возможности замещения кафедры учеником М. Ф. Соловьева химиком-органиком А. А. Воскресенским «для пользы науки и заведения». На полях документа министр С. С. Уваров заметил карандашом: «Если выберет Совет»⁴. Сам М. Ф. Соловьев, уже имея статус заслуженного профессора, в 1844 году вынужден был пройти процедуру перевыборов, хотя до полной отставки ему оставалось менее двух лет. Его прошение о простом продлении права преподавать не было удовлетворено.

При выборах ректора члены Совета с избирательным голосом (ординарные профессора) поочередно голосовали в первом туре за всех кандидатов, а во втором – за двух, набравших наибольшее количество избирательных голосов. Влияние ведомственных и государственных интересов на итог выборов, конечно, имело место, что не мешало профессорской коллегии проводить своего кандидата, если он имел, по мнению голосующих, признанные научные, пе-

дагогические, административные заслуги и «нравственные достоинства». Академические выборы как форма самопополнения корпорации, как условие сохранения ее единства и высокого научного уровня оставались процедурой демократичной и единственной в своем роде в дореформенной России.

Определение лучших выпускников на преподавательские должности в статусе кандидатов (в Петербургский или же в другой университет) также осуществлялось по решению Совета. Точнее, Совет рекомендовал того или иного кандидата при его согласии, а попечитель, как правило, поддерживал этот выбор и делал соответствующее представление министру. Определение на профессорские должности утверждалось императором, дата утверждения фиксировалась в формулярных списках. Награждение орденами, денежными суммами, представление к следующему чину, определение получивших ученую степень магистра или доктора к повышению в академической иерархии также происходили на основании соответствующего представления Совета, направленного от имени попечителя министру народного просвещения.

Хроники выборов ректора, происходивших вначале ежегодно, затем раз в трехлетие, а с 1835 года раз в четыре года, отражаются в университетском делопроизводстве, в журналах и «мемориях» университетских советов, в их переписке с попечителями учебных округов. Административное вмешательство в выборы и корректировка их итогов все же имели место, как это случилось при первых выборах ректора в Петербургском университете летом 1819 года. После голосования, в результате которого равное число голосов получили профессор экономики и финансов М. А. Балугьянский и профессор всеобщей истории Э.-Б. Раупах, первенство последнего решилось жребием, согласно инструкции для выборов, написанной С. С. Уваровым. Ректорство Э.-Б. Раупаха, уже представленного попечителем в данном качестве министру А. Н. Голицыну, однако, было им опротестовано. Немец Э.-Б. Раупах, состоявший на российской службе лишь несколько лет, не представлялся министру приемлемой фигурой во главе столичного университета. По настоянию А. Н. Голицына через два месяца, в октябре 1819 года, были организованы перевыборы ректора, на этот раз большинством голосов был избран М. А. Балугьянский.

Немногочисленные советы факультетов собирались реже, чем общий Совет университета, четыре-шесть раз в течение года (в 1820–1830-х годах), их журналы сохранились выборочно.

Но, судя по журналам факультетов, выборная процедура соблюдалась так же тщательно, решение принималось с учетом всех обстоятельств и достоинств кандидатов. Так, 21 января 1836 года на 1-м и 2-м отделениях философского факультета проходила процедура избрания декана по новому уставу на четыре года. Вначале были баллотированы все профессора факультета, которых было всего шесть, по старшинству. Филолог-классик Ф. Б. Грефе получил четыре утвердительных и один отрицательный балл, ориенталист О. И. Сенковский ни одного утвердительного и шесть отрицательных (!), философ А. А. Фишер – три утвердительных и два отрицательных, П. А. Плетнев – также три утвердительных и два отрицательных голоса. Факультет единогласно «желал иметь своим деканом» историка И. П. Шульгина, но он был избран ректором университета неделей ранее, и этот выбор уже был представлен на Высочайшее утверждение. В то же время Ф. Б. Грефе оставался всего год с небольшим «до истечения 25-летнего термина» при университете. Но поскольку он выигрывал у коллег с большим перевесом, факультет представил его кандидатуру на усмотрение начальства, и он все же стал деканом с условием продления полномочий также по выбору по истечении оговоренного срока⁵.

В 1842 году при выборах на кафедру химии коллеги предпочли своего старого товарища М. Ф. Соловьева, 25 лет отдавшего университету, а не более молодого и именитого, но постороннего университету академика Г. И. Гесса. Г. И. Гесс получил всего четыре избирательных голоса из 22, а М. Ф. Соловьев – 16 голосов⁶.

КРИЗИСЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Первый удар по академическому «республиканизму» был нанесен в 1821 году новым попечителем и ставленником министра Д. П. Руничем, который инспирировал знаменитое «дело профессоров». В ходе внесудебного разбирательства, развернутого на чрезвычайных собраниях Совета 3, 4 и 7 ноября 1821 года с обвинениями в политическом вольнодумстве и попрании «истин Божественного откровения» четырех профессоров (Э.-Б. Раупаха, А. И. Галича, К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева), попечитель расколол корпорацию. На многочасовых заседаниях он заслушивал «протестации» одних ее членов, принимал доносы от других, самооговоры от третьих, интриговал и запугивал. Единственной формой противодействия административному произволу в этой ситуации были личные выступления, по-

дача «особых мнений», возражения против самой процедуры разбирательства, наконец, отсутствие на заседаниях. Ректор М. А. Балугьянский заявил о сложении полномочий, профессора-француз Ж. Деманж и Ф. Шармуа опротестовали процедуру публичных разоблачений и саморазоблачений коллег, едва ли не половина состава Совета отсутствовала на втором и третьем заседаниях, профессор М. Ф. Соловьев после первого чрезвычайного собрания, окончившегося далеко за полночь, отправился в кабак и просто несколько дней «не приходил в себя». Как вкратце рассказал об этом происшествии его коллега Д. С. Чижов,

«[он] находится даже в опасности жизни... вчерашнее собрание до того расстроило телесные, а еще более душевные силы г. Соловьева, что он тогда же лишился даже памяти и, вышедши из собрания ночью, вместо того чтоб идти домой в 6-ю линию, очутился в Коломне... а был приведен на свою квартиру матросами, впал в чрезвычайное расслабление телесное и душевное» [3, кн. 1: 88].

Общеуниверситетский устав 1835 года расширил власть попечителя, но сохранил все элементы выборной процедуры. Однако не исключалось не прямое административное давление на профессоров, чем можно объяснить отказ избранного кандидата от должности ректора в пользу следующего в «рейтинге», как это сделал в 1835 году профессор математики Д. С. Чижов в пользу влиятельного и близкого ко двору историка И. П. Шульгина.

Внешняя бюрократическая рамка, в которой существовал университетский «республиканизм», порождала конфликты как в период действия первых университетских уставов, так и после 1835 года. В 1819 году был откорректирован либеральный устав Дерптского университета и одновременно отвергнут представленный С. С. Уваровым проект устава для Петербургского университета, охарактеризованный его критиками как «сколок с устройства германских университетов» и идейный подкоп под «благополучие государств». Реформированная универ-

ситетская инспекция была напрямую подчинена попечителю и министру, усилился контроль за содержанием лекций и учебных пособий. Однако практика замещения университетских должностей по выбору корпорации была, как видим, сохранена по уставу 1835 года. Благодаря кадровой реформе К. А. Ливена и С. С. Уварова и успешной подготовке плеяды русских профессоров в Дерптском профессорском институте, в Европе и в Главном педагогическом институте сложилась и реальная научная конкуренция при замещении кафедр. В 1849 году, в прямой связи с европейскими революциями и политическими фобиями Николая I, была отменена выборность ректоров, замененная их прямым назначением.

ВЫВОДЫ

Европейский опыт и система понятий о свободе преподавания и исследования вступали в противоречие с практиками государственного регулирования и надзора за высшей школой, которые были окончательно оформлены университетским уставом 1835 года. Это вызывало напряжение при взаимодействии между академической корпорацией (или коалициями внутри нее) и властью, которое проявлялось в ситуациях выборов ректора и деканов, замещения кафедр, ревизии читаемых курсов, дисциплинарных казусах. Эти конфликты отражаются как в делопроизводственных, так и в мемуарных источниках. Слабость корпоративного сознания, малочисленность и замкнутость университетского сообщества в первые десятилетия реформ российской системы просвещения затрудняли реализацию дарованных академических свобод и поступательное развитие университетской организации. Однако опыт академического самоуправления, уникальный в дореформенной России, находился в прямой связи с историей постепенного формирования общественных институтов и независимой интеллектуальной элиты, которая занимает не одно столетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 13. Оп. 1. Д. 4213. Л. 176 об.

² ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4212, 4213, 4216, 4222, 4224, 4225, 4229, 4230, 4232; Ф. 14. Оп. 27. Д. 4, 6; Оп. 25. Д. 1, 2, 3, 4, 6. Протоколы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1870–1917 годы опубликованы.

³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4232. Л. 16 об.–17; Д. 4213. Л. 117 и т. д.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 24. Д. 87. Л. 37.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 631. Л. 1 об.–2.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 24. Д. 87. Л. 13–13 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Ю. Кафедра и трон: переписка императора Александра I и профессора Г. Ф. Паррота. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 736 с.
2. Жуковская Т. Н., Калинина Е. А. «От азбуки до университета»: административная деятельность Санкт-Петербургского университета в учебном округе в первой половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2014. Вып. 2. С. 22–33.
3. Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках. Т. 1. 1807–1861: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. Т. Н. Жуковская. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2024. Кн. 1. 1807–1854. 614 с.; Кн. 2. 1855–1861. 520 с.
4. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М.: Наука, 1985. 350 с.
5. Res Publica. История понятия: Сб. статей / Пер. с нем., науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 280 с.

Поступила в редакцию 13.01.2025; принята к публикации 03.03.2025

Original article

Tatiana N. Zhukovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

ACADEMIC “REPUBLICANISM” AND PRACTICES OF UNIVERSITY SELF-GOVERNANCE IN RUSSIA FROM 1800 TO THE 1830s (a case study of Saint Petersburg University)

Abstract. In the XVIII and early XIX centuries, Russian science and university education developed through transferring and adapting Western European models of scientific knowledge dissemination, as well as the models of self-organization of academic communities. The boundaries of academic self-governance in Russia were established by the state. The practical implementation of regulations on university self-governance in the system of daily scientific, educational, personnel, economic, and administrative university activities can be discerned from extensive university and departmental records. The article presents the first comprehensive study of the protocols from the Conference of Saint Petersburg Pedagogical Institute (the Council of Saint Petersburg University) for 1808–1835, which enable to characterize the pivotal role played by this collegial body in the development of the educational system, addressing personnel issues, organizing scientific expertise and licensing procedures, strengthening the university’s material and scientific base, overseeing affiliated schools within the district, and establishing horizontal communication channels with other institutions. The university’s records reflect the mechanism of interaction involving the Council of Professors, the trustee of the educational district, and other authorities on various key issues such as electing the rector and deans, appointing professors and junior lecturers, admitting students, and assigning graduates to teaching positions. In these and many other matters discussed collegially, the decisions made by the university corporation served as the foundational basis for directives issued by the trustee of the educational district and higher authorities.

Key words: history of Saint Petersburg University, university charters, university autonomy, University Council, rector, professors

For citation: Zhukovskaya, T. N. Academic “republicanism” and practices of university self-governance in Russia from 1800 to the 1830s (a case study of Saint Petersburg University). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(4):95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1188

REFERENCES

1. Andreev, A. Yu. Chair and throne: correspondence between Emperor Alexander I and Professor G. F. Parrot. Moscow, 2023. 736 p. (In Russ.)
2. Zhukovskaya, T. N., Kalinina, E. A. “From the ABC-book to the university”: administrative activities of St. Petersburg University in educational district in the first half of the 19th century”. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2014;2:22–32. (In Russ.)
3. St. Petersburg University in memoirs and diaries. Vol. 1. 1807–1861: In 2 books. (T. N. Zhukovskaya, Ed.). St. Petersburg, 2024. Book 1. 1807–1854. 614 p. Book 2. 1855–1861. 520 p. (In Russ.)
4. Eymonтова, R. G. Russian universities on the verge of two eras. From Russia of serfdom to Russia of capitalism. Moscow, 1985. 350 p. (In Russ.)
5. Res Publica. History of the concept: Collection of articles. (O. V. Kharkhordin, Trans., Ed.). St. Petersburg, 2009. 280 p. (In Russ.)

Received: 13 January 2025; accepted: 3 March 2025